

jeho poměrná frekvence vzhledem k jiným blízkým výrazovým prostředkům; a to je věc jistě velmi závažná.

V rámci připomenutých pěti velkých oddílů třídí se látka především — a někdy až příliš důsledně — z hlediska formálního. Způsob, kterým je objasňována sémantická podstata jednotlivých konstrukcí, je sice většinou vystižený, avšak místy poněkud obecný. Do formulací se zbytečně často dostává stereotypní povšechný poukaz na vyjadřování „ocenki“, „usilivanija“, „akcentirovanija“. Bylo by zde na místě více konkretizovat, vysvětlit opisek; snad by leckde byla pomohla k lepšímu osvětlení i zmínka o vzniku konstrukce (v knize je to uplatněno jen výjimečně), o etymologii té nebo oné částice apod. Není také vždy jasno, čím je motivován sled výkladů uvnitř některých větších pasáží. Ocítají se vedle sebe nejednou věci heterogenní, spjaté svou vnější podobou, ale těžko souměřitelné co do své vnitřní podstaty; bylo nutno přihlížet více k souvislostem sémantickým nebo funkčním (srov. sled výkladů o citoslovceích a částicích ve spojení s plnovýznamovým slovem, kde není např. logické, když se od sebe odtrhují útvary typu *куда уж ему сердиться* a typu *где же ему ненавидеть* — str. 129, 133). Nelze konečně vždy souhlasit s tím, jak autorka hodnotí morfologickou povahu částic a citoslovců a dělí podle toho materiál; tak např. -sotva je možno pokládat za adverbialní částice slova jako *сам* (zde nejvíce postrádáme aspoň zmínku o někdejších deiktickém a interjekčním původu, v. práce J. Zubatého), *ещё* v některých dokladech, ztěžá se dají apodikticky, bez vysvětlivky řadit k spojkovým částicím slova jako *добро бы, диво бы, благо* atpod. Teoretický přístup k obtížné problematice morfologicko-funkčního rozmezení částic, spojek, citoslovců, příslovců a modálních slov nepatří k silným stránkám práce.

Je zcela samozřejmé, že se v díle tak obsáhlém, tematicky náročném a beze sporu průkopnickém najdou v detailech ještě jistě další, většinou drobné nepřesnosti; týkají se interpretace některých dokladů, jejich zařazení, tu a tam i koncepce výkladů. Své připomínky, které jsme si o tom učinili, nemůžeme zde ovšem pro nedostatek místa konkrétněji rozvádět. Všechno to ale nijak podstatně neubírá na ceně knize velmi hodnotné, potřebné, svědomitě propracované a imponující už samým svým zaměřením. Stane se jistě nadlouho vydatným a vyhledávaným zdrojem poučení pro široké řady rusistů v SSSR i jinde.

Roman Mrázek

И. В. Устинов: Очерки по русскому языку, часть 1 — Историческая грамматика русского языка. Москва 1959, 382 стр.

Иван Васильевич Устинов, профессор педагогического института в Москве, стремился дать в руки студентам и преподавателям русского языка учебное пособие, которое в сжатом виде содержало бы свод основных информаций не только по исторической грамматике в традиционном смысле слова, но также по близкородственным филологическим областям вообще (каковы: источники исторического изучения языка, его методология, древнерусские памятники, развитие письма и т. д.). Представленное в рецензируемой книге¹ не может не оставить впечатления, что И. В. Устинов решительно лучше как методист и практик, нежели как всесторонне осведомленный специалист-языковед. С одной стороны заслуживает благоприятной оценки факт, что автор попытался по-новому в методическом отношении подойти к подаче материала, на более широкой платформе, с чутким знанием действительных запросов со стороны потребителя: поэтому им был включен в книгу также раздел об историческом синтаксисе и о развитии древнерусского словарного состава, имеются здесь контрольные вопросы и упражнения, библиография к отдельным главам, фотокопии, дан показ древнерусских текстов и их анализа; автор исходит из правильного тезиса — и неоднократно его в дальнейшем конкретизирует — что познание былого состояния языковой системы не может представлять нечто самоцельное, а должно способствовать лучшему и углубленному пониманию современного состояния. С другой стороны, кое-где бросаются в глаза неточности и ошибки, односторонние упрощающие положения и неясные формулировки (см. ниже). В результате того книга проф. Устинова могла бы принести читателям полную пользу лишь при условии, что при эвентуальном следующем издании из нее были бы устранены все недочеты.

Что до своей внутренней структуры, рецензируемая историческая грамматика распределена в шесть крупных разделов.

¹ Историческая грамматика И. В. Устинова представляет первую часть „Очерков по русскому языку“, вторая часть которых, содержащая историю литературного русского языка, вышла из печати уже раньше (в 1955 г.); третья часть (Курс современного русского языка) должна быть издана позднее.

Вводный раздел (стр. 5—97), напечатанный весь мелким шрифтом, сначала в I главе дает предварительные указания общего характера. В следующей II главе помещены изложения об основных источниках исторического изучения русского языка; между прочим, здесь отмечается важность сравнения с украинским и белорусским языками, а также значение данных из русских говоров (нельзя не отметить, что не только здесь, но тоже в дальнейшем ходе работы имеются некоторые попутные ссылки на соответствия в украинском и белорусском и что автор в необходимых случаях старается постичь и наиболее типичные явления великорусских говоров).² Сравнительно-исторический метод, его сущность, приемы и указание на главных представителей образуют содержание III главы; автор отмечает, главным образом, русских компаративистов, однако вряд ли можно примириться с тем, что рядом с А. Х. Востоковым ни словом не упоминается о чешском ученом, „патриархе славистики“, И. Добровском. В обширную IV главу входят объяснения, затрагивающие возникновение древнерусского литературного языка, появление письменности у восточных славян и развитие древнерусской графики вплоть до нового времени. Устинов выступает здесь решительным сторонником резко определившихся взглядов, далеко не бесспорных и до сих пор обходящихся в советской науке. В вопросе о происхождении древнейшего русского литературного языка он подчеркивает исключительно его домашние корни, не признавая за старославянским и церковнославянским языками никакого сколько-нибудь существенного значения; что же касается зарождения письменности, то он отрицает (вслед, например, за Смиркиным) положение о том, что письменность и знание письма на Руси появились в связи с христианизацией.

Раздел, содержащий историческую фонетику (98—172), обработан в общем традиционно, распадаясь в три части: а) состав гласных и согласных русского языка древнейших письменных памятников, б) результаты общеславянских тенденций в восточнославянской среде (тенденция к открытости слогов, монофтонгизация дифтонгов и т. д.), в) фонетические изменения в течение исторического развития русского языка. Изложения во многом выиграли бы от гораздо более последовательного фонологического подхода, с использованием существующей литературы; нельзя довольствоваться одной лишь констатацией и регистрацией тех или других изменений, а необходимо вскрывать их взаимную системную обусловленность и исследовать взаимосвязи частных явлений.

Последующий большой раздел, содержащий историческую морфологию (173—267), состоит, в сущности, из двух самостоятельных глав: первая посвящена склонению, а другая — спряжению; к ним прибавлены краткие замечания о наречиях и грамматических словах. При прохождении склонения показано, какие главные изменения на протяжении развития русского языка произошли в отдельных деklinационных типах. Так как описание соответственных изменений направлено прежде всего на объяснение современного состояния, то это описание тем самым приобретает характер исторического комментария к современной русской deklinационной системе. Спряжение представлено с учетом развития не только самих форм, но и их семантических значимостей. Подобный прием заслуживает одобрения, однако автор здесь нередко движется на языковой почве (чаще, чем в других местах собственной исторической грамматики), вероятно и оттого, что некоторые вопросы, связанные с грамматическим значением глагольных форм, применительно к истории русского языка до сих пор не получили всестороннего и убедительного освещения (напр. условное наклонение, залого глагола, виды, причастия).

Достоинством исторической грамматики проф. Устинова является то, что в ней имеется и синтаксис. Соответственный раздел (268—306) носит, пожалуй, только характер избранных частей. Хотя вряд ли можно сказать, что поданный выбор охватывает фактически наиболее интересные области исторического синтаксиса русского языка (больше места заслуживало, например, поучение о функциях падежей без предлогов и с предлогами, о предикативном употреблении причастий, о роли союзов

² И. В. Устинов, сознавая важность более широких сравнительных горизонтов для углубленного освещения ситуации в русском языке, на нескольких местах в дальнейшем ходе работы попутно приводит параллели из других славянских языков. Цитации этих параллелей, однако, должна была быть старательнее, и некоторые недочеты (в частности, применительно к чешскому языку) при более внимательной корректуре следовало устранить.

и союзных средств вообще), тем не менее этот синтаксический раздел имеет несомненную цену.³

Главы о древнерусской лексике (307—341) заключают собственные изложения автора, завершая, вместе с тем, общую картину древнерусского языка в его динамизме. Здесь содержится сначала обзор древнерусской общеславянской лексики, далее специфически древнерусских славянских слов и, наконец, заимствованных слов; при более внимательной этимологической проверке, однако, не все приводящиеся здесь характеристики оказываются убедительными. Присоединение главы об основных типах древнерусского словообразования к разделу о словарном составе представляется хотя и менее обычным, но все же оправданным: познакомившись со словарным составом, читатель легче и конкретнее сможет ориентироваться в древнерусском словообразовании.

Со стороны фактографической историческая грамматика проф. Устинова вызывает ряд замечаний. Помимо приведенных уже общих наших возражений, укажем здесь еще некоторые примеры неточностей или заблуждений. Так, например, нельзя сказать (35), будто бы слово *зима* литовским языком (*zima*) было заимствовано из русского; по своему происхождению оно восходит к гораздо более глубокому прошлому. Позднейшее *дѣтя* развилось из др.-рус. *дѣтя*, эвент. *дѣть* (исл. *dēt-ę*), не из множ. числа *дѣти* (155). Не правда, что слово *баран* (впрочем, общеславянское, хотя и кое-где с вокализмом *-e-* в корне, ср. чеш. *beran*) русским языком было заимствовано из тюркских языков (166). Род. пад. ед. ч. существительного *дѣнь* в стел. из. звучал *дѣне*, а не *днѣ* (46). В др.-рус. языке были дублетные формы не с корневым *-e-* (*предѣ*, *время*, *среда*), а с *-ѣ-* (103; вся формулировка тут запутана). Недосмотром является, когда в числе остатков род. падежа им. ч. мужских существительных (типа *несколько человек*, 189) приводится тоже среднее *нет яблоч*. Загадочно место (196), где форма им. — вин. под. *уши* объясняется как форма двойственного числа от *ушь*; на той же странице неправильно отнесена форма *тѣлеса*. В выражениях типа *вот те и на*, *я те дам* (201) перед нами не сохранение архаических энклитических форм дательного *ти*, а скорее секундарная апокопа („усеченная форма“) из *тебе*. Предлог (и приставка) *вън-*, как известно, был исконно консонантическим и, следовательно, конечного *ъ* не имел (204). В древнерусские формы индикатива презенса мн. ч. (232) рядом с формой *мы дамъ* по ошибке (или по опечатке — ?) попала форма 2 л. мн. ч. *вы даете*. Извращением фактического положения дел является, когда автор обобщает так, как будто в древнерусском литературном языке встречался исключительно сигматический аорист (235); на самом деле формы 2 и 3 лица ед. ч. на *-e* от консонантических глаголов I-го и II-го классов (по основе инфинитива) являются асигматическими. На стр. 235, 237 и др. говорится о якобы универсальной постановке вспомогательного глагола *быти* при образовании перфекта в раннем историческом русском языке (*есмь читалъ*) и о позднейшем выходе из употребления вспомогательного глагола; для древнейшего исторического русского языка можно констатировать почти равноправное сосуществование неглагольной и глагольной форм (*я читалъ // есмь читалъ*). К числу разных приемов, какими образовывалось будущее время глаголов несовершенного вида, следовало бы отнести еще описательную форму с глаголом *имамъ* (напр. *имамъ княжити*, 239). Нарушающее заблуждение представляет собою следующая характеристика (и примеры) двух основных семантических разрядов наречий (259): „Наречия выражают два основных грамматических значения: качественное определение (*очень славный*, *всегда добрый*) и обстоятельственное отношение (*учитъ наизусть*, *очень быстро*).“ Нельзя, конечно, к числу др.-русских предлогов относить приставку *раз-* (261).

Техническое и графическое оформление книги является хорошим. Авторский текст отчетливо расчленяется заглавиями и с использованием различных типов шрифта. Однако определенный недостаток усматриваем в том, что слова, морфемы и звуки, цитируемые в связанном тексте, не выделяются курсивом, в результате чего иногда до неузнаваемости сливаются с авторскими объяснениями. Жаль также, что в книге осталось немало неисправленных опечаток.

Подводя итоги, можно высказать следующее заключение: это — компилятивная, добросовестно задуманная работа, с интересной методической концепцией, однако качество ее пострадало от ряда фактических недочетов и погрешностей.

Роман Мразек

³ Ограниченный объем книги, видимо, не позволил более последовательно использование имеющихся источников (напр. книги Т. П. Ломтева, *Очерки по историческому синтаксису русского языка* от 1956 г.).